

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

3

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ВОПРОС И РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ
В 40-е ГОДЫ XIX ВЕКА.

Развитие торговых сношений России с Средней Азией и интерес к этому вопросу русских торговопромышленных кругов и правительства уходят глубоко в XVII и XVIII вв. Но в первой половине XIX в. с развитием русской промышленности, особенно с быстрым ростом и техническим прогрессом русских хлопчатобумажных фабрик, вопрос о Средней Азии, как рынке сбыта русских промышленных изделий, при узости внутреннего рынка, приобрел особое, первостепенное значение. Завоевание Средней Азии, совершенное во второй половине XIX в., подготовлялось уже в первой его половине. Правительство отправляет в Среднюю Азию ряд экспедиций и посольств, которые двигаются по трем главным направлениям — со стороны Каспийского моря, Оренбурга и Сибирской линии — и имеют, наряду с военными, экономические цели — наладить и расширить торговые сношения. В 1800 г. горные чиновники Бурнашев и Пospelов совершают поездку в Ташкент; в 1803 г. организуется посольство в Бухару поручика Гавердовского, караван которого был разграблен киргизами; в 1813—1814 гг. переводчик Отдельного сибирского корпуса Ф. Назаров достигает Коканда, в 1818 г. — офицер Башкирского войска Субханкулов — Хивы; в следующем же году капитан Муравьев (впоследствии Муравьев-Карский) совершает путешествие в Туркмению и Хиву; в 1820 г. едет в Бухару посольство д. ст. советника Негри; в 1824—1825 гг. делается неудачный опыт отправки из Оренбурга в Хиву разграбленного дорогою вооруженного торгового каравана; в 1830 г. в Коканде побывал хорунжий Потанин, в 1835—1836 гг. прапорщик Виткевич — в Бухаре, а в 1837 г. — в Кабуле, в 1839 г. в Бухаре же — горные офицеры Ковалевский и Гернгросс; в том же году был предпринят неудачный зимний поход Перовского в Хиву. Таков перечень главнейших правительственных экспедиций в Среднюю Азию до 40-х гг. XIX в. Почти все они были освещены в современной

печати или в журнальных и газетных статьях и заметках, или в написанных непосредственными участниками экспедиций монографиях.¹ Вопрос о необходимости расширения торговых сношений с Средней Азией для сбыта русских товаров оживленно обсуждался не только на страницах таких специальных журналов, как „Сибирский вестник“ и Азиатский вестник“, „Журнал мануфактур и торговли“ или „Коммерческая газета“, но и в периодических изданиях общего характера. И надо сказать, что до 30-х гг. XIX в. в статьях и книгах, посвященных среднеазиатскому вопросу, звучат чрезвычайно бодрые нотки по поводу перспектив развития русской торговли в Азии. Таков, например, тон статей, появлявшихся в конце 20-х и начале 30-х гг. в „Журнале мануфактур и торговли“, где прямо заявлялось, что все „азиатские рынки“ должны быть „как бы привилегией для русских мануфактурных изделий, дарованной географическим положением и политическими отношениями.“¹

Но это оптимистическое настроение уже в 30-х годах начинает меняться — на среднеазиатских рынках появляется опасное соперничество англичан. Не только Персия, но и средне-

¹ Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 г. Сибирский вестник, 1818 г., ч. IV; Записки доктора Саввы Большого оключениях его в плену у Киргиз-Кайсаков в 1803 и 1804 гг. Сын отечества, 1822 г., ч. 76, № 11, 12, 14; ч. 77, № 15; Разграбление киргизами Русского каравана, шедшего в Бухарию в 1803 г. (Отрывок из Дневных записок Г. Гавердовского). Сибирский вестник, 1823 г., ч. II (см. также ч. III, стр. 43—59); Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821; Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гв. ген. шт. капитана Николая Муравьева, ч. 1 и 2 (с атласом). М., 1822 (рец., Русский инвалид, 1822, 41—44, 46—47; Сын отечества, 1822, ч. 77, № 20, ч. 79, № 32; Северный архив, 1822, ч. 2 и ч. 3); Voyage d'Orenbourg à Boukharafait en 1820 à travers les steppes. Rédigé par M. le Baron G. de Meyendorff, Paris, 1826 (рец.: Моск. телеграф, 1826, ч. 10/15, ч. 11/16; Русский инвалид, 1827, № № 45, 47—48; Казанский вестник, 1826, ч. 18, кн. 12); Караван-записки во время похода в Бухарию Российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 гг., веденные начальником оного Каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым, ч. 1—3. М., 1827 (рец.: Московский вестник, 1828 г., ч. 9, № 9); Записки Сибирского линейного казачьего войска хорунжего Потанина..., 1830 г., Военный журнал, 1831, № 4; Путешествие Ковалевского и Гернгросса в Бухару в 1839 г. Горный журнал, 1840, № 12. Общие обзоры см. в книгах: С. В. Жуковский. Сношения с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Тр. Общ. русск. ориент., № 2, 1915 г.; В. В. Бартольд. История изучения востока в Европе и в России. Изд. 2. Лгр., 1925.

азиатские ханства привлекают их внимание. Навстречу русским экспедициям в Среднюю Азию направляются со стороны Индии посольства и экспедиции английские, организованные или Ост-Индской компанией, или отдельными купеческими фирмами. Первые английские экспедиции относятся к 10-м и 20-м гг. XIX в. — Эльфинстона в Кабул 1810 г., Поттингера и Кристи в Белуджистан и Синд того же года, Фрейзера в Хорасан 1821—1822 гг., Мир-Иззет-Уллы, азиатского агента англичанина Муркрофта в Кашмир, Тибет, Яркенд, Коканд, Бухару и Афганистан 1812 г., самого Муркрофта и Требека в Пенджаб, Кашмир, Кабул и Бухару 1812—1825 гг.; последняя экспедиция была организована на средства двух торговых английских фирм в Калькутте. Печатные отчеты этих экспедиций выходили по большей части в ближайшие же годы.² В 1814 г. Ост-Индская компания потеряла монопольное право торговли в Индии, и ввоз туда английских товаров резко повысился. Необходимость расширить рынок сбыта делает стремление Ост-Индской компании в Среднюю Азию в 20-е и 30-е гг. особенно настойчивым. Оно приобретает черты организованного плана, широко задуманного и энергично и беззастенчиво выполнявшегося. С одной стороны, ставится вопрос о возможности пароходства по Ефрату для сокращения пути между Великобританией и Индией. Капитан Chesney в 1831—1832 гг. осматривает Ефрат на плотах, в 1833 г. представляет особому комитету при английском парламенте проект разведочной экспедиции, которая выполняется в 30-е же годы на двух пароходах „Тигре“ и „Ефрате“ и доказывает судоходность Ефрата.³

¹ О нижегородской ярмонке 1828 г. (Из Коммерч. газеты). Журнал мануфактур и торговли, 1828 г., № 11. Взгляд на Нижегородскую ярмарку 1835 г. Там же, 1836 г., № 7. Краткое обозрение главных оборотов Нижегородской ярмарки. Там же, 1830, № 3. О распространении сбыта российских мануфактурных изделий в Закавказье и Персии. Там же, 1831, № 1.

² M. Elphinston. An account of the kingdom of Caubul... London, 1815 (2-е изд. London, 1842) — L. Henry Pottinger. Travels in Beloochistan and Sind... London, 1816. — J. Frazer. Narrative of a journey into Khorasan in the years 1821—22... London, 1825. — W. Moorcroft and G. Trebeck. Travels in the Himalayan... 1819—25. London, 1841. — Mir Izzet Ullah. Voyage dans l'Asie Centrale en 1812. Magazin asiatique, 1826, II.

³ Copies or Extracts from Communications or Dispatches, adressed to the Board of Control relating to the recent Expedition to the Rivers Euphrates and Tigris. 1838. The Expedition for the survey of Rivers Euphrates and Tigris... in the Years 1835—37. By Lieut. Chesney. 1850. Географ. изв., 1850, стр. 627 и сл.

С другой стороны, уже в конце 20-х годов ставится вопрос об открытии навигации по Инду, которая облегчила бы доставку товаров внутрь Средней Азии, удешевила бы их и таким образом помогла бы вытеснить с рынка „соперников“, т.е. русских.¹ В 1831—1832—1833 гг. агент Ост-Индской компании, лейтенант Александр Бёрнс, совершает плавание по Инду до Лагора, оттуда едет в Кабул и Бухару, отвозит владетелю Лагора подарки английского короля, обследует условия местной торговли и заключает в 1832 г. договор с индийскими владетелями по Инду, обеспечивающий свободное плавание по этой реке. Лейтенант Карлесс в 1835 г. исследует устья Инда и составляет их карту; по приглашению бомбейского купца Аги-Магомет Рахима, лейтенант Wood совершает в том же году плавание по Инду на паровом катере „Инд“. В 1836—1838 гг. те же Бёрнс с Вудом и Личем совершают новое плавание по Инду, снова едут в Кабул, откуда Вуд и Лич проникают в Кундуз и Вуд к истокам Окса (Аму-дарьи). Во время этой экспедиции Вуд и Лич совершают подробнейшую съемку Инда, а Бёрнс кроме дипломатических заданий занят собиранием сведений о среднеазиатской торговле, о торговых путях, центрах, предметах ввоза и вывоза, с чрезвычайной внимательностью следит за проникновением в Ср. Азию русских изделий, составляя подробные списки русских товаров, проникающих в Бухару, далее в Афганистан и, наконец, Индию. С другой стороны, Бёрнс с Вудом имеют специальное поручение — выбрать на Инде удобный торговый пункт, где можно было бы учредить ярмарку наподобие нижегородской, чтобы перетянуть на нее азиатских купцов и уничтожить хорошо учитывавшееся англичанами значение Нижегородской ярмарки. Таким пунктом намечается город Дера-Гази-Хан в среднем течении Инда. О том, с каким напряженным вниманием следило за этими экспедициями английское и европейское общество, говорит судьба - изданий, посвященных их описанию. Путешествие в Бухару Бёрнса издается в Лондоне в 1834 г., в 1835 г. появляется также 2-е английское издание, французский перевод в Париже и немецкое издание. По отзывам, эта книга была в свое время одной из популярнейших. Отчет о путешествии

¹ A. Conolly. Journey to the North of India ... London, 1834, v. II, стр. 269 и сл.

Бёрнса в Кабул с приложением списка русских товаров на среднеазиатских рынках, записки об учреждении складочного места или ярмарки на Инде и донесения Вуда об исследовании Инда издаются в Лондоне в 1842 и 1845 гг., в Филадельфии в 1843 г. и в этом же году в Лейпциге в немецком переводе. В 1841 г. в Лондоне издается путешествие Вуда к истокам Окса, в 1846 г. книга одного из участников миссии Бёрнса в Кабул — Mohan Lal'a.¹

Английские экспедиции приносили практические результаты. В начале 20-х гг. ни Муравьев, ни участники миссии Негри не нашли английских товаров на рынках Бухары и Хивы. Через десяток лет соперничество английских товаров стало там несомненным и очень заметным фактом. Время проникновения английских товаров в среднеазиатские ханства можно установить довольно точно. Служивший в Оренбурге председатель пограничной комиссии Г. Ф. Генс внимательно следил за развитием среднеазиатской торговли и заносил все собранные им сведения в свои записки. Появление английских товаров на среднеазиатских рынках было им отмечено около середины 20-х гг.² Для конца 20-х, нач. 30-х гг. очень любопытные сведения на этот счет сообщает Conolly в вышедшей в 1834 г. книге „Путешествие на север Индии“.³ Он указывает на большой успех английских товаров, особенно ситцев, которые, несмотря на дорогую цену, покупались, как лучшие, охотнее русских, и на чрезвычайно большие прибыли, которые получали купцы, отправлявшие английские товары в Бухару через Балк. Английское соперничество было замечено в России и обсуждалось печатно. По серии описаний Нижегородской ярмарки 20-х, 30-х, 40-х гг. можно с большой ясностью наблюдать, как надежды на широкие торговые сношения с Средней Азией сменяются пессимистическими указаниями на падение торговых оборотов вследствие английского соперничества. Особенно

¹ A. Burnes. Travels into Bokhara... London, 1834, 3 v. (Sec. ed. L., 1835); Voyage de l'embouchure de l'Indus à Lahor... par M. A. Burnes: Paris, 1835.— Он же. Cabool. London, 1842, 1845; Philad, 1843; немецк. перевод. Leipzig, 1843.— Vood, J. A. personal narrative of a journey to the source of the river Oxus. London.— Mohan Lal. Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan. London, 1846.

² А. Попов. Рукописи Г. Ф. Генса. Тр. Оренб. Уч. арх. ком., XIX, 1908 г.

³ Указ. соч., т. II, стр. 169 и сл.

пессимистически высказывается Мельников в своем описании Нижегородской ярмарки 1843, 1844 и 1845 гг.¹ Одна из причин быстрого успеха английских товаров в Средней Азии была указана в общественном приговоре собрания Московского купеческого общества от 17 мая 1846 г.: в 1830 г. был разрешен беспошлинный вывоз за границу золотой, серебряной и платиновой монеты русского чекана; после этого среднеазиатские купцы, привозя товары в Россию, не покупали на вырученные деньги русских товаров, предпочитая вывозить монету, на которую на среднеазиатских рынках можно было купить английские товары лучшего качества.²

Торговое соперничество России и Англии в Средней Азии, не раз вызывавшее волны руссофобии в английской публицистике, в конце 30-х, начале 40-х гг. нашло бурное выражение в политических и военных событиях на Востоке. Посольство поручика Виткевича в Кабул в 1837 г. к афганскому эмиру Дост-Магомету и помощь, оказанная русскими персидскому шаху при осаде Герата (в 1837—1838 гг.), привели к занятию англичанами острова Каррака в Персидском заливе (1838 г.), заставившему снять осаду Герата, и послужили удобным предлогом к военной английской экспедиции в Афганистан, свержению в 1839 г. Дост-Магомета, замене его английским ставленником Шахом-Шуджей и военной оккупации Афганистана английскими войсками, тянувшейся несколько лет. Трагичный финал этой экспедиции известен. В восстании 1841—1842 гг. погибла почти вся английская армия (в том числе и Ал-др Бёрнс), и в 1842 г. Дост-Магомет вернулся в Кабул.³ К этим же годам относятся миссии английских агентов Abbot'a Shakespear'a и Conolly в Хиву, Conolly в Коканд, Stoddart'a и Conolly в Бухару, где два последние и погибли. С этими событиями был прямо связан и неудачный зимний поход Перовского в Хиву в 1839 г., имевший целью „восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное... в осо-

¹ П. Мельников. Нижегородская ярмарка в 1843, 44 и 45 гг. Н. Н., 1846 г. См., также ст. Каменского: Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности. „Вестник промышленности“, 1859 г., № 2, отд. 1.

² В. Сторожев. История Московского купеческого общества, т. II, вып. 1, гл. XLII.

³ The Cambridge History of British Foreign Policy, v. II. 1923, chap. V. — G. Curzon. Russia in Central Asia. London, 1889.

бенности тем постоянством, с которым английское правительство, во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего господства в тех краях“, что предполагалось достигнуть свержением Хивинского хана Аллакулы и заменой его русским ставленником — его братом Инаком — „до некоторой степени сообразно с действиями англичан в Афганистане“.¹

За русско-английским соперничеством в Средней Азии внимательно следили в дипломатическом европейском мире. Особенно много внимания уделяли ему во Франции, колониальное соперничество которой с Англией в 40-х гг. не раз грозило разразиться войной. Несмотря на всю разницу государственного устройства послереволюционной Франции и монархической России, во французской публицистике 40-х гг. очень заметно было течение, доказывавшее необходимость русско-французского союза против Англии. Так, в 1841 г. в Париже появляется книга M. Berton „Intérêts rivaux de la France et de l'Angleterre en Europe et en Orient“, а в 1842 г. книга неизвестного автора „De la Russie et de la France. Entretiens politiques par un inconnu“, авторы которых старались победить предубеждение французов против николаевской России, доказывали, что Англия является общим врагом Франции и России, что против нее они и должны объединиться, что этот союз принес бы России господство в Азии и помог бы ей оттеснить англичан с берегов Окса к берегам Ганга. Ряд других брошюр и книг обсуждали вопрос о франко-русском союзе в связи специальной темой — об Индии и английском там владычестве.

В 1840 г. в разгар египетского кризиса, чуть ли не повлекшего за собой англо-французскую войну, Hoffmans издает „Mémoire“ Лейбница, написанный для Людовика XIV и разработывавший план французского завоевания Египта, а в приложении к нему — проект сухопутной русско-французской экспедиции в Индию, обсуждавшийся в 1800 г. Наполеоном и имп. Павлом.² По этому изданию проект переиздается Dubois de Jan-

¹ А. Г. Серебренников. Собрание материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. I, 1908 г., стр. 148 и сл., 33 и сл.

² Mémoire de Leibnitz à Louis XIV sur la conquête de l'Egypte publié... par M. de Hoffmans, suivi d'un Projet d'expédition dans l'Inde par terre, concerté entre le premier consul et l'emp. Paul I-ier en mil huit cent. Paris, 1840.

signy в его книге „Inde“, появившейся в Париже в 1845 г.¹ Тот же Jancigny помещает в начале 40-х гг. в „Revue de Paris“ статьи на тему о русско-французском союзе. В 1844 г. выходит в Париже книга графа Эдуарда Варрена „L'Inde Anglaise en 1843“ в 3 частях. Автор ее, сын французского эмигранта, прослуживший десять лет на английской военной службе в Индии, рисует в чрезвычайно мрачных красках владычество Англии в Индии, отмечает ненависть туземцев к завоевателям, разбирает вопрос о возможности иноземного вторжения в Индию и на примере России доказывает его полную возможность, разрабатывая подробный проект экспедиции и доказывая естественность и необходимость стремления в Среднюю Азию России, которая должна или оспорить у англичан сбыт туда товаров или погибнуть, и, наконец, предлагает России помощь Франции в этом предприятии за прирейнские земли и Египет с Алжиром.

Успех этой книги во Франции был так велик, что уже в следующем году появилось 2-е дополненное ее издание.² Теме об английском владычестве в Индии были посвящены и две французские книги барона Баршу де Паноэна: вышедшая в Париже в 1841 г. 6-томная история завоевания и основания английского владычества в Индии и в 1844 г. „Индия под английским владычеством“, также рисующая печальные для Индии последствия английского завоевания.³ В 1840—1842 гг. появились два французских перевода сочинения графа Биорнштиерна, шведского посланника при английском дворе— „Английская империя в Индии“, которое в 1839 г. вышло в шведском и немецком стокгольмском изданиях, а в 1840 г. в Лондоне в английском переводе. Переводчик 2-го французского издания снабдил книгу Биорнштиерна многочисленными примечаниями, в которых он энергично возражает автору, указывавшему на трудности русского похода в Индию, постоянно

¹ Univers pittoresque. Histoire et description de tous les peuples... Publié par F. Didot frères. Inde par M. Dubois de Jancigny. Paris, 1845.

² L'Inde anglaise en 1843 par le comte Ed. de Warren, ancien off. au service de S. M. B. dans l'Inde. Paris, 1844; 2-me éd. augmentée. Paris, 1845 г.

³ Barchou de Panhoen. Histoire de la conquête et de la fondation de l'empire anglais dans l'Inde. 4 v. Paris, 1841. — Ero же. L'Inde sous la domination anglaise. 2 v. 1844.

напоминая, что в случае русско-английской войны Франция и Америка будут союзниками России.¹

И несмотря на все антипатии Николая I к Франции и симпатии к консервативному правительству Англии, в русской иностранной политике николаевского царствования заметны тенденции к сближению с Францией в противовес Англии, как это отмечено в специальных исследованиях.²

Такова общая картина русско-английских отношений в Средней Азии по 40-е гг. XIX в. и вызванной ими публицистической литературы. В изучении этих вопросов одна сторона остается до сих пор еще совершенно не освещенной: роль, которую играли в продвижении России в Среднюю Азию непосредственно заинтересованные в этом русские торговые и промышленные круги. Между тем, эта роль была достаточно активна, как в смысле участия в торговых сношениях, так и в смысле давления на правительство и пропаганды в печати необходимости захвата Средней Азии. В настоящей статье дается некоторый материал по этим вопросам, относящийся главным образом к 40-м годам 19-го века.

Среди книг и журнальных статей по среднеазиатскому вопросу, появлявшихся в 30-е—40-е годы, привлекает внимание серия изданий, связанных с именем Платона Васильевича Голубкова, одного из видных московских капиталистов первой половины XIX века. Посвященные ему энциклопедическими словарями и справочниками краткие заметки³ не разъясняют в полной мере его биографии, не лишенной однако интереса. Поэтому можно остановиться на ней несколько подробнее.

¹ Björnstjerna. Det brittiska riket i Ostindien, 1839. — Björnstjerna, count. The British Empire in India. L., 1840. Empire britannique en Orient. Par le comte de Björnstjerna, Paris, 1840. Tableau politique et statistique de l'Empire Britannique dans l'Inde. Par M. le général comte de Björnstjerna. Paris, 1842.

² Haumant. L'Empereur Nicolas I et la France. Revue de Paris, 1902. 15 anp. — D. Haussouville. Histoire de la politique extérieure du gouvernement français. 1830—1848, vol. I, II. Paris, 1850. — М. Н. Покровский. Ламартин, Кавеньяк и Николай I. Дипломатия и войны царской России в 19 столетии. М., 1923.

³ Новый энциклопедический словарь Березина, т. III. — Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в 18 и 19 столетиях, Берл., 1876 г., т. I. Энциклопедич. словарь Брокгауза-Эфрона. Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографич. словаря, т. I. „Сб. русск. истор. общ.“, т. 60, СПб., 1887, стр. 165.

Голубков родился 13 ноября 1786 г. в Костроме в семье человека „самого скромного звания“, по его собственному определению. Сам он начал службу с 12-ти лет писцом костромской казенной палаты и в 1804 дослужился до чина коллежского регистратора. В начале XIX в. в его служебной карьере был, видимо, некоторый перерыв: он сблизился с „одним из предпочтеннейших людей“ того времени, „человеком знатым и богатым“, и управлял некоторое время его „огромным имением“. Далее мы снова можем проследить его служебную карьеру по министерству финансов. Около 1815 г. он был послан в Астрахань для расследования так называемой „пяташной истории“ — дела о перепродаже в Персию русскими купцами медных пятаков, выгодной по высокой цене меди в Персии. Голубков выполнил поручение, объездив восточный берег Каспийского моря вплоть до Балханского залива и получив за это орден Владимира 4-й степени с бантом. В 1828 г. мы находим его в чине титулярного советника в Петербурге, где он служил губернским надзирателем питейного сбора и 3 апреля того же года получил орден Анны 2-й степени, а в следующем году, состоя в качестве чиновника министерства финансов при сенаторе Горголи, ревизовавшем Пензенскую губ., — алмазные знаки к данному в предыдущем году ордену. С половины 30-х гг. мы находим его обосновавшимся в Москве, где он приписался, повидимому, к московскому купечеству и где умер 3 апреля 1854 г. в чине отставного коллежского советника.¹

К 30-м годам относится резкая перемена в положении Голубкова — он быстро становится одним из самых богатых людей своего времени. Богатство его было приобретено двумя путями. В 1826 г. были восстановлены винные откупа в Европейской России. По словам хорошо знавшего Голубкова по Москве М. П. Погодина, в них и заключалось „начало богатства Голубкова“. Он держал откупа „в обеих столицах и дважды в Восточной Сибири с Камчаткою“. В 1829 г. была разрешена частная золотопромышленность в Сибири. В 30-х гг. там идут первые поиски, открытие приисков вызывает золотоискатель-

¹ П. Небольсин. Записки проезжего. СПб., 1854. Список кавалерам имп. росс. орденов всех наименований, ч. II, стр. 239; то же за 1829 г., ч. III, СПб., 1830, стр. 217. „СПб. Сенатские ведомости, 1828 г., № 22; Московские ведомости, 1829 г., № 11; 1855 г., № 42. Московский некрополь, т. I, 1907 стр. 314.

скую горячку, а с 1837 г. идет ряд блестящих находок, быстро создававших состояния. Голубков был одним из пионеров частной сибирской золотопромышленности. Он лично был в Сибири и руководил поисками. В августе 1836 г. были открыты его первые прииски в Саянских горах в системе реки Б. Бирюсы. Он оказался одним из счастливых — открытые им прииски богатым содержанием золота превзошли предыдущие находки. В статьях, печатавшихся в „Горном журнале“, „Мануфактурных и горнозаводских известиях“, в изданиях, посвященных сибирской золотопромышленности, можно найти ряд сведений о приисках Голубкова и количестве добытого на них золота. Кроме уже упомянутых приисков Бирюсинской системы ему лично или в компании с видными золотопромышленниками того времени Кузнецовым и поручиком Бенардаки принадлежало не менее 6 приисков в системе рек Пита и Подкаменной Тунгуски. Вот несколько цифр: в 1837 г. на приисках Голубкова было добыто ок. 1 пуда золота, в 1838 г. — ок. 5 п., в 1842 г. на приисках Голубкова с компанией — ок. 37 п., в 1844 г. — ок. 72 п.; в 1850 г. со вторым зимним караваном было привезено в Петербург с частных Алтайских приисков 377 п. золота; из них ок. 77 п. принадлежали компании Голубкова.¹

По отзывам современников 30-х, 40-х, 50-х гг., Голубков рисуется человеком исключительно богатым. Обосновавшись в 30-х гг. в Москве, Голубков жил там вельможей. У него было три имения в Московской губ. — в Клинском уезде, д. Андреяново и с. Введенское и подмосковное село Новозерское-Мышецкое, где находился господский дом с оранжереями и где Голубков порестроил и украсил старинную церковь. Была у Голубкова и дача около Москвы в Петровском парке и собственный дом в Богословском (теперь Петровском) пер. Твер-

¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, т. XIX, стр. 342.—Б. Струве. Воспоминания о Сибири. СПб., 1889, стр. 17—18.—Ф. Раселли. Сведения о частной золотой промышленности в России. Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. VIII, СПб., 1863, стр. 91, 146. Опись дел архива Гос. совета, т. III, стр. 14, 31, 81.—В. Семевский. Рабочие на сибирских золотых приисках, т. I, СПб., 1898, стр. 1, 2, 133, 141, 189, 195, 197, 203, 215, 223, 239. Горный журнал, 1841 г., ч. II, кн. IV; 1842 г., ч. IV, кн. X, XI, XII; 1823 г., ч. IV, кн. X; 1845 г., ч. I.—Бар. Зедделер. Частные золотые промыслы Удереиской системы. Северная пчела, 1846 г., № 89.—П. П. Сибирь и золото (сообщено П. В. Голубковым). Москвитянин, 1843 г., ч. VI, № 4, стр. 562—572; там же, № 12, стр. 506—507.

ской части, сохранившийся и в настоящее время и считающийся одним из образцов архитектуры классической Москвы.¹ В описании П. И. Небольсина, побывавшего у Голубкова в 1850 г., дом этот рисуется настоящим дворцом с роскошной приемной и анфиладой комнат, украшенных драгоценными произведениями искусства. Описывает Небольсин и самого Голубкова, уже разбитого тогда параличем, как старика, которого возили в покойном кресле, одетого в атласное голубое полукафтанье с бриллиантовыми запонками в три ряда, опущенное дорогими соболями, с огромным бриллиантовым перстнем на пальце.²

В свое время Голубков был очень заметной фигурой. Он был широко известен как меценат и благотворитель. Именно его щедрые пожертвования, а не ученые заслуги, конечно, доставили ему звание почетного члена Московского общества естествоиспытателей, Общества истории и древностей российских и Публичной библиотеки в Петербурге, члена-соревнователя Русского географического общества и действительного члена Русского археологического общества. Статьи с прославлением его благотворительности печатались в журналах и газетах, и его пожертвования не раз доставляли ему знаки благодарности от императорской семьи — бриллиантовый перстень от императора, вазу от в. кн. Ольги Николаевны, рескрипты и другие письменные изъявления монаршего благоволения и наименование „преданнейшего сына церкви и престола“.³

¹ Ю. Шамурич. Очерки классической Москвы (дом б. генеральши Сокол).

² К. Нистрем. Указатель селений и жителей Моск. губ., М., 1852, стр. 57, 425, 434. — Его же. Книга адресов жителей Москвы, 1855, стр. 63. — Его же. Адрес-календарь жителей Москвы, 1850, ч. II, М., стр. 99; то же, 1842, стр. 23. Книга адресов столицы Москвы, изданная фон Метелеркампом и К. Нистремом, М., 1839 г., II, стр. 75. — П. Небольсин. Записки проезжего, СПб., 1854.

³ П. Небольсин: О благотворениях П. В. Голубкова. Москвитинин, 1852 г., ч. I, стр. 35—39. — С — в [протоиерей и ректор Моск. дух. академии Смирнов]. Письмо к редактору о П. В. Голубкове. Там же, ч. VI, кн. I, стр. 163—164. Отрывок из письма Ф. В. Чижова из Рима к П. В. Голубкову. Москвитинин, 1844, № 2, стр. 625—525. Внутренние известия. Отеч. записки, 1847 г., т. 54, отд. VIII, стр. 65. Внутренние известия. Моск. ведомости, 1852, № 82. Освещение б. придворной церкви в с. Измайлове. Моск. губ. ведомости, 1852, № 129. Рескрипт в. кн. Конст. Никол. Моск. ведомости, 1850, № 33. Внутренние известия. Северная пчела, 1842 г., № 186. Письмо от Ф. В. Чижова к г. Голубкову из Ровонь. Москвитинин, 1844, ч. VI, № 11, стр. 248—250. Состав Общ. ист. и древн. росс. Чтения общ. ист. и древн. росс., 1890, кн. II. Bulletin de la Société imp. des naturalistes de Moscou, 1851, т. XXIV, ч. 2.

Такова биография Голубкова, представляющая интерес, как биография капиталиста николаевского царствования, поднявшегося из низов и достигшего видного положения. С его именем и связана литературная кампания, пропагандировавшая необходимость расширения торговых сношений России с Средней Азией.

В разных номерах „Москвитянина“ за 1843 г. появились 3 небольшие заметки Голубкова за подписью Г.: „Новость из Хивы и торговый взгляд Москвича на восток“, „Еще новость из Хивы“ и „Два слова о Болханском заливе Каспийского моря“.¹ Одна из статей сопровождалась примечанием редактора о том, что автор ее „употребляет все усилия для распространения надлежащих понятий о торговле с Азией, где имеет много корреспондентов“ и что „редакция надеется получать, по его благосклонности, любопытные известия об этом предмете“. Тот же Москвитянин возвестил в 1843 г., что г. Г. поручил недавно одному молодому литератору перевести на русский язык „Собрание актов о привилегиях, дарованных английским правительством Ост-Индской компании и Лондонскому банку“. Книга под таким названием вышла в том же году в Москве в типографии Селивановского и заключала собрание привилегий Ост-Индской компании по 1833 г. и 2 привилегии Лондонскому банку. Ее оригиналом было по всей вероятности 3-е издание Собрания актов, относящихся к Ост-Индской компании (A collection of charters and statutes relating to East India Company), вышедшее в Лондоне в 1843 г., или одно из предыдущих изданий этой книги.² В издании Голубкова к актам были приложены „Краткая история Индии“, рисовавшая постепенное укрепление там английской власти и составленная по всей вероятности переводчиком английского текста, а также предисловие и послесловие самого издателя за подписью на этот раз полной: „Издатель Платон Голубков“. В предисловии он писал, что, рассматривая, „на каких основаниях восстал английский торговый гигант в Индии, чего должно ожидать от завое-

стр. 617; 1852, т. XXV, № 1, стр. 273, № 4, стр. 529—530.— Н. Веселовский. История имп. Русск. Архелог. общ. за первое пятидесятилетие его существования. СПб., 1900, стр. 110 и сл.

¹ Москвитянин, 1843 г., №№ 2, 3.

² См. Brunet. Manuel du libraire et de l'amateur de livres.

вания им Китая, и почему Россия, столь близкая к Китаю и Индии, не предупреждает англичан в их действиях“, он давно желал видеть в переводе на „отечественный язык“ привилегии Ост-Индской компании и приобрел, наконец, английский подлинник, который и предлагает в переводе „любопытным, трудолюбивым и предприимчивым“ соотечественникам „для руководства в их торговых на Востоке предприятиях“. В одном из следующих изданий Голубкова практическое назначение книги определено еще яснее — служить образцом тому, „каким образом русское торговое общество может организоваться и каких прав и привилегий может оно ходатайствовать себе у правительства.“ Большой интерес московского купечества к успехам и организации Ост-Индской компании отмечен уже в литературе для начала XIX в.¹ У Голубкова виден тот же глубокий и ревнивый к успехам компании интерес, заставивший его обратиться к подлинным документам о привилегиях компании.

В следующие годы, опять-таки в Москве, в типографиях Селивановского, Эрнста, Готье и университетской вышли один за другим в издании Голубкова переводы почти всех перечисленных мною выше сочинений об Индии, о возможности русского туда похода и проектах русско-французского союза против Англии — в 1845 г. — „Английская Индия в 1843 г.“ графа Эдуарда Варрена (в 3-х частях), в 1847 г. — „Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный имп. Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте“ и в том же году — „Британская империя в Индии“ графа Биорнштиерна. К последней книге были приложены составленные переводчиком биографии Клейва, Ганстингса, Гайдер-Али и Типу-Саиба, очерк присоединения Лагора к британским владениям и статья „О торговом пути в Среднюю Азию и Индию через Россию“ с картой. В следующем 1848 г. эта статья была напечатана отдельной брошюрой под заглавием: „О торговом пути в Среднюю Азию и Индию через Россию, предлагаемом Пл. Голубковым“. В 1848—1849 гг. появилась „Индия под английским владычеством“ Баршу де Паноэна (в 2-х частях). За этой „индийской“ серией вышли 2 книги, особенно ярко отражавшие продвижение англичан в Среднюю Азию — в 1847 г. — „Кабул.

¹ В. Сторожев. История Московского купеч. общ., т. II, вып. I, 1916, стр. 241 и сл.

Путевые заметки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 гг.“, в 2-х частях, со всеми приложениями оригинала, и в 1848—1849 гг. его же трехтомное „Путешествие в Бухару“, переведенное со 2-го английского издания. Наконец, в 1848 г. появился перевод заимствованного из немецкого Раумера „Исторического Альманаха“ сочинения К. Ф. Неймана „Авганистан и англичане в 1841—42 гг.“ (в подлиннике— „Trauerspiel in Afghanistan“), посвященное трагическому финалу английской оккупации Афганистана. Все эти издания были снабжены предисловиями самого Голубкова. Эта длинная серия не исчерпывает однако его широких издательских планов—в примечаниях и предисловиях к своим изданиям Голубков обещал еще несколько книг на те же темы—перевод „Путешествия к источникам Окса“ Вуда, „Историю Индии“, повидимому многотомную историю Индии Баршу де Паноэна „Россия и Персия в 1835—39 гг.“, т. е. в годы особенно острого англо-русского соперничества там за влияние, и „Торговый Альманах“, в который предполагалось включить все сведения, „необходимые русскому купечеству для ближайшего и точнейшего ознакомления с тем театром, на котором предполагается когда-либо увидеть его действующим со славою и пользою для отечества“, т. е. с Азией. Но, сколько нам известно, эти книги в свет не появились.

В предисловиях к издаваемым переводам, Голубков пропагандировал необходимость расширения русских торговых связей с Средней Азией. Следя за современной международной обстановкой, он видел борьбу за колонии, по его своеобразной терминологии—„за открытие новых источников для своей производительности“, которой были охвачены в первой половине XIX в. страны Европы. Особенно поражали его „изумительные успехи Англии“, „разлив на Востоке“ ее „торгового могущества“, ее „разрушительная всесветная торговая монополия“. Он ревниво следил за „созданием Английского торгового гиганта в Индии“, за англо-китайской войною и за попытками Англии утвердиться в Персидском заливе, обратив Персию „в четвертое президентство Английской Индии“.

Не ускользнули от его внимания и „опыты пароходного плавания по Ефрату“, сменившиеся проектом постройки железной дороги через Суец для перевозки кораблей с целью создания „кратчайшего пути“ между Европой и Востоком. Знал он и об упорной войне Франции за Алжир и о занятии ею „скрытно

без войны“ „Архипелага Маркизских островов“ в Тихом океане. Он считал, что „когда все государства Европы“ „заботливо стараются об обеспечении народного труда своих подданных и о приобретении мест для сбыта их промышленности“, Россия также не должна „далее оставаться в нерешительном состоянии о мерах к открытию новых источников для своей производительности“, необходимость в чем „день ото дня более увеличивается развитием фабрикации нашей“.

По мнению Голубкова, ареной деятельности русских должен быть Восток, особенно среднеазиатские страны. Многочисленные ссылки показывают, что он был хорошо знаком с современной литературой по среднеазиатскому вопросу. Интересовался он и историей русской торговли с Востоком. Связи с Биармией, с Булгаром, с древней Русью служат для него подтверждением исконности русской восточной торговли, которую „мы обязаны возвратить себе“, „как нашу собственность“. Знает он и о различных предприятиях на Востоке XVIII века, особенно петровского времени. Имя „великого Петра“ произносится им с особым благоговением, и он мечтает о возвращении завоеванных при Петре и утерянных впоследствии персидских провинций. Говоря о возможных путях среднеазиатской торговли, он называет один путь „Сибирским“ и ведет его от Бухармы в Китайский Туркестан, Тибет и Индию; другие пути намечаются им со стороны Оренбургской линии и от юговосточных портов Каспийского моря — через Тавриз и Тегеран до Бассоры на Тигре, через Хоросан и Кандагар в Индию, в среднеазиатские страны, в Кабул, Балк и другие города Афганистана. Балханский залив, знакомый ему по личным впечатлениям, он считал особенно удобным местом для постройки торговой фактории, предсказывая ей будущее то Одессы, то Лондона, Антверпена, Гамбурга и Петербурга. Зная о настойчивых попытках англичан проникнуть в Среднюю Азию, он оптимистически считал их конкуренцию преодолимой и призывал русское купечество к смелости и предприимчивости. В книгах Бёрнса его внимание особенно привлекали сведения о глубине проникновения русских товаров, откуда он заключал, „что направление индийской и вообще восточной торговли в Европу через Россию из книги Бёрнса истекает, как следствие неизбежное“. Изданные им французские книги были для него особенно интересны, так как рисовали симптомы „шаткого положения

английской власти“ в Индии. Самый подбор изданных им книг показывает, что он интересовался и вопросом франко-русского сближения в противовес Англии.

Издательская деятельность Голубкова шла так интенсивно, что заставляет искать вокруг него сотрудников из литературных кругов, которые выполняли переводы, составляли приложения к ним, а в иных случаях и подыскивали, может быть, книги на интересовавшие Голубкова темы. Здесь далеко не все удастся выяснить, но можно с определенностью говорить, что помощь шла Голубкову из московских литературных кругов, связанных так или иначе с М. П. Погодиным и его „Москвитянином“. Погодин был лично знаком с Голубковым, и краткие заметки его дневников обнаруживают их связи, шедшие, повидимому, и по линии материальной поддержки литературных предприятий Погодина со стороны Голубкова.¹ Зато „Москвитянин“ уделял Голубкову много внимания: в нем печатались статьи, прославлявшие благотворительность Голубкова; как мы видели, в нем же появились и заметки самого Голубкова о Средней Азии; издательская деятельность Голубкова по среднеазиатскому вопросу находила в „Москвитянине“ живой отклик и восхвалялась на его страницах как „черта горячего патриотизма“. Переводчиком „Собрания актов“ был молодой московский литератор, известный Погодину. Переводчиком Бухары Бёрнса был Георг Мин из обосновавшейся в Москве английской по происхождению семьи Минов, знакомой Погодину (брат Георга Мина — Дмитрий — сотрудничал в „Москвитянине“).² Наконец,

¹ Дневник М. П. Погодина в Рукоп. отд. Публ. библ. СССР им. В. И. Ленина. — Н. Баркусов. Жизнь и труды Погодина, т. XII, стр. 410—413, XIII, стр. 11, т. XIX, стр. 334, 342.

² Энциклопедический словарь Граната, т. XI. Большая энциклопедия издательства „Просвещение“, т. 13. Энциклоп. словарь Брокгауза и Эфрона, т. 37. Московский некрополь, т. II, стр. 268. Опись дел, хранящихся в архиве Моск. купеческой управы, т. I, М., 1888, стр. 342, 449, 467, 527.—Мин. Описание Авчуринского хозяйства, устроенного Д. М. Полторацким. „Земледельческий журнал“, 1829, XXVI.—Г. Мин. Выставка мануфактурных изделий. Московские ведомости, 1853 г., №№ 74—77, 80—84, 89, 101, 107, 121. Отец Георга Мина был в начале XIX в. ученым управляющим образцового хозяйства Д. М. Полторацкого. Сам Георг Мин, зоолог и ботаник, получил образование в Эдинбургском университете. В 1850-е годы он был приписан к московскому купечеству. В 1858—1861 гг. издавал в Москве „Журнал охоты“, был другом С. Т. Аксакова.

переводчик сочинения Биорнштиерна подписался инициалами А. Х. Не скрывается ли за ними Алексей Степанович Хомяков?

Наряду с издательской деятельностью, Голубков оказывал широкую материальную помощь ученым учреждениям, занятым разработкой интересовавших его вопросов.

В 1850 г. П. С. Савельев, занимавшийся изучением кладов восточных монет, находимых на территории России, для установления торговых связей Древней Руси с Востоком, обратился к Голубкову с предложением учредить в Русском археологическом обществе премию „за лучшее сочинение“ на русском языке „о монетах Саманидов“. По разработанной Савельевым программе оно должно было включить топографию кладов саманидских монет, найденных в России и на Севере вообще, и очерк сношений царства Саманидов с Древней Русью. Голубков, сам охотно обращавшийся к историческим примерам для подтверждения исконности торговых сношений России с Востоком, тотчас отозвался на это предложение, пожертвовав на учреждение премии 500 руб. сер. Премию получил В. Г. Тизенгаузен, сочинение которого было напечатано Русским Археологическим обществом дважды.¹ Но особенно прочны были связи Голубкова с Русским Географическим обществом. В 1848 г. он жертвует туда 2 тыс. руб. сер. на издание „Генеральной карты Азии, которая была бы составлена по достовернейшим и новейшим сведениям об этой части света“. Общество постановило издать ее за границей, заключив условие с Веймарским Географическим институтом. Предприняв в Москве с помощью П. А. Ефремова перевод томов знаменитого „Землеведения“ Риттера (*Die Erdkunde in Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen*), относящихся к Азии, Голубков видимо почувствовал, что выполнение этого ученого издания выше его компетенции, и в 1848 г. передал его Русскому Географическому обществу с пожертвованием 20 тыс. руб. сер. 9 томов этого капитального сочинения, посвященные Кабулистану, Кафиристану, Китайскому Туркестану и Ирану, с примечаниями и дополнениями ориенталистов Григорьева и Ханыкова, вышли в свет уже после смерти Голубкова. В 50-х гг. член Русского Географического общества П. И. Неболь-

¹ В. Григорьев. Жизнь и труды Савельева, СПб., 1861, стр. 74. — Н. Веселовский. История имп. Русского Археологического общ. за первое 50-летие его существования. СПб., 1900, стр. 169. Москвитянин, 1835, т. V, стр. 159—160.

син сообщил обществу, что он предпринимает поездку в Оренбургский край и Прикаспийские степи „для собирания сведений о состоянии и движении нашей торговли в тех местах“ и просил о субсидии. Общество дало Небольсину 500 руб. сер. и снабдило его рекомендательным письмом к Голубкову, который после продолжительной беседы с Небольсиным о цели его поездки присоединил к субсидии общества еще 3 тыс. руб. Плодом поездки явилось обширное сочинение Небольсина „Очерки торговли России в Средней Азии“, напечатанное в X томе „Записок“ Общества за 1855 г., награжденное Жуковской и Демидовской премиями и заключающее большой материал по среднеазиатской торговле. Кроме того, в „Географических известиях“ за 1850 г. Небольсин напечатал с посвящением Голубкову „Рассказ Троицкого 2-й гильдии купца... Абу Бакарова о путешествии его в Чугучак“, передающий его взгляды на возможность расширения русской торговли в Азии и ее успешной конкуренции с англичанами. Наконец, в 1851 г. Голубков пожертвовал в общество 30 тыс. руб. на Камчатскую экспедицию — это пожертвование показывает его интерес и к дальневосточным проблемам. Экспедиция, впрочем, не состоялась и была заменена выполненной в 1854—1857 гг. экспедицией в Восточную Сибирь — одним из самых обширных предприятий общества того времени.¹

Убежденный в выгодах среднеазиатской торговли, Голубков не только пропагандировал свои взгляды в печати, но предполагал и сам взяться за их практическое осуществление. По его словам, мысль об этом возникла у него из бесед с графом Канкриным, которому он был известен как крупный откупщик, и который „удостаивал“ его „особенного доверия и расположения“. Для Канкрин Голубковым и был составлен проект устава российско-азиатской компании. За смертью Канкрин в 1845 г. и за болезнью Голубкова дело остановилось и было возобновлено последним в 1848 г. 24 января этого года он подал Николаю I прошение об утверждении компании, приложив соста-

¹ П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского Географического общества. СПб., 1896, ч. I, стр. 29 и гл. 9. Отчеты того же общ. за 1848, 1850, 52, 55, 56 гг. — В. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, ч. I, стр. 315. Географические известия, 1848 г., стр. 35; 1849 г., стр. 58; 1850 г., стр. 147—148, 157, 371—406. Об Экспедиции в Восточную Сибирь. Вестн. Русск. Геогр. общ., 1851, кн. I, стр. 35.

вленный ранее проект устава и обширную объяснительную записку „Многолетние соображения н. с. Голубкова о направлении восточной торговли в Европу не мимо мыса Доброй Надежды, как она теперь производится, а чрез Россию, чрез посредство купечества российского и об учреждении в Москве Российско-Азиатского торгового дома, главного двигателя оной.“ О записке этой вспомнили в 1873 г., и через несколько месяцев после взятия Хивы русскими войсками она была напечатана в „Туркестанских ведомостях“.¹ Эта же записка, в переработанном виде, составила содержание напечатанной в 1848 г. брошюры „О торговом пути в Индию через Россию, предлагаемом Платоном Голубковым.“ По передаче проекта в министерство финансов, Голубков представил туда еще три объяснительные записки, одна из которых была специально посвящена „обзору всей Восточной торговли с самого ее зарождения“ и начинала его с известий Геродота и Плиния.²

Изложив в первой записке взгляды на важность восточной торговли для России, на необходимость открыть новые пути для сбыта ее фабричных изделий и использовать Волго-Каспийский путь для установления обмена между Западом и Востоком через Россию, Голубков переходит к практическим предложениям.

„Для предупреждения неблагоприятных противу России намерений Ост-Индской компании“ он предлагает учреждение в Москве „на твердых началах“ торговой компании на акциях или „Российско-Азиатского торгового дома“, обладающего такими правами и преимуществами, которые позволили бы ему „с первого шага“ стать твердой ногой на состязание с нею“. Голубков знал привилегии Ост-Индской компании по собственному изданию и руководствовался ими в своих требованиях. Ост-Индская компания имела право исключительной торговли в Ост-Индии, на всех островах, во всех городах, портах и гаванях между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом — дом должен получить право „исключительного на Каспийском море плаванья торговых судов сего дома“ и право „исключительной торговли российскими произведениями и

¹ 1873 г., №№ 29, 30.

² Моск. архив революции и внешн. политики, фонд 6. Главн. архива мин. ин. дел, Азиатский департамент, П—3 1848 г., № 4/44.

транзитом с Азиатской Турцией, Персией, Хивой, Бухариями Ташкентом и Туркестаном на Сыр-Дарье; городами в Китайском Туркестане: Яркентом, Кашгаром, Аку-Кульджею, Чугучаком или Тарбахтаем; Лагором, Гератом, Кабулом и вообще с Индией“., Мало того, опасаясь проникновения иностранных, особенно английских товаров через Персию, Голубков считает, что необходимо „убедить или заставить Персию“ запретить привоз европейских товаров как к берегам Персидского залива, так и в порты Каспийского моря. Аналогии с Ост-Индской компанией идут и дальше. „Англичане, приступая к овладению Индией“, „заняли в устье Гангеса только один пункт, построив на нем форт Веллиам, ныне Калькутту, и теперь вся Индия составляет их собственность.“ Так и русский дом должен выбрать „крепкую и удобную“ „военную точку“, „долженствующую повелевать местностью страны“. Эту точку Голубков указывает в Балханском заливе у устья реки Теджена, где „сама натура устроила со стороны степи 3 горно-каменных высоты из гипса, на которых остается только поставить русские пушки“. Будущей торговой фактории и порту необходимо крепостною военной обороною“ Голубков дает громкое название „Индиянополя или Новой Москвы“ (в печатном варианте „Александрии Каспийской“ в честь наследника и „в воспоминание о том блеске, которым пользовалась Александрия Нильская, когда через нее шла индийская торговля“). Далее Голубков излагает план действий дома, который характерен тем, что под видом частного торгового предприятия скрывает настоящую военную экспедицию с широкой помощью войском и финансами со стороны правительства. Капитал компании определяется запиской в 4 млн. руб. сер. Из них 200 тыс. должна дать казна и 100 тыс. — учредитель дома, т. е. сам Голубков. На остальную сумму открывается подписка по акциям. Предлагается и еще одна мера для укрепления „фундамента компании“ — установление особого налога с добычи золота на частных золотых промыслах в Сибири сверх казенной десятины, после чего „Английский банк будет перед Русской компанией совершенный пигмей“. Затем дом заготавливает на низовых пристанях Волги необходимый для экспедиции запас муки, круп и овса, правительство располагает 50-тысячный обсервационный корпус в Саратове, „в месте, изобилующем продовольствием“, и отправляет в Балханский залив на судах батальон солдат под командой хороших инже-

нерных штаб-офицеров, снабдив их годными батарейными орудиями и полевыми пушками из числа захваченных в войну 1812 г. По укреплении и постройке Индиянополя предполагалось постепенное околонизование станицами наподобие казачьих станиц Сибирской линии рек Теджена и Аму-Дарьи с постройкой укрепленных фэртгов при переправах через Аму, при местечках Аму, Курджукилеве и Термизе (печатный вариант предлагает для одного из них название „Николаев на Оксусе“ в „честь его императорского величества“). Эту линию укреплений Голубков предполагает довести до Балка в Афганистане. Таким образом, Бухара, Хива, Ташкент и „киргизские кочующие орды“ должны быть охвачены, по мысли Голубкова, двумя параллельными укрепленными линиями, что заставит их переменить кочевую жизнь на оседлую, а новый быт потребует от русских „всякого рода производимость“, „необходимую для домашнего обихода“, „железные и все металлические изделия, юфть, сукно и полотна“. Голубков высказывает надежду, что выполнение этого плана будет встречено туземцами миролюбиво. Впрочем, в случае нужды гарнизон Индиянополя всегда может быть усилен „до потребной степени“ из Саратова. Утвердившись в Балханском заливе, торговый дом начинает ряд мероприятий для привлечения в новую торговую факторию восточной торговли. В Персию он отправляет особого агента для переговоров о разных торговых предметах и, между прочим, о снятии в оброчное содержание ломок каменного угля в Мазандеране, чтобы обеспечить дешевым углем Волжское пароходство взамен привозного из Англии. В пользу дома должен действовать по предписанию правительства и русский консул в Тегеране. По закладке первого укрепления на Аму-Дарье дом отправляет с подобными же целями агента в Хиву, который должен добиться у хивинского хана согласия на снятие в разработку золотоносных россыпей у устья Аму-Дарьи. Сношениями с прочими азиатскими владениями, по мнению Голубкова, спешить не должно — „они сами не замедлят прислать своих посланников“. Для привлечения в Индиянополь индийских купцов предлагается совсем особая мера, несколько неожиданная для такого ревнителя православной церкви, каким был Голубков, — устройство близ Баку, у тамошних вечных огней, „новой Мекки индусов“ — особого святилища для огнепоклонников гебров, из которых состоит „вся денежная аристократия Индии“, что должно поселить

в „огнепоклонниках, обитающих в самом Индустане, охоту и покорность к священному самодержавию России“ и содействовать в направлении „индийской торговли на запад через Россию“. Упоминается и о „стратегическом пособии“, которое может быть оказано „угнетаемым англичанами среднеазиатским племенам“, „чрез что сделаются те племена потребителями нашей производимости по всем предметам русской фабрикации“. Печатный вариант записки вносит новое любопытное добавление — вооруженное прикрытие караванов компании из одной тыс. пехоты, посаженной на верблюды по образцу „дромадерских полков“ египетского похода Наполеона.

Приложенный к записке проект устава компании, написанный, очевидно, ранее записки и не во всем согласованный с нею в изложении плана действий дома, дает ряд дополнений к организационной структуре компании.

Капитал компании определен в „Уставе“ в 10 милл. руб. сер., составленных выпуском 5 тыс. акций. Из них 1 тыс., на сумму 2 милл. руб. сер., остается в руках учредителей, остальные раздаются желающим, но исключительно русским подданным. Для руководства делами компании выбирается „Главное правление“, состав и действия которого определяются уставом Российско-американской компании. Учредители сохраняют право пожизненного участия в составе „Главного правления“, а Голубков — право пожизненного президентства в „Главном правлении“ с титулом „Правителя Компании“ и с правом и властью, предоставленными генерал-губернаторам Восточной и Западной Сибири. Устав отдает в ведение компании обширные пространства земель между старой Сибирской линией и новой демаркационной границей государства и восточные берега Каспийского моря от устья Эмбы до границ Персии, с правом учреждать там местные административные, хозяйственные и судебные установления, отчуждать в частную собственность участки свободных от кочевий земель, заводить постоянные поселения, города, местечки, ярмарки, торговые и промышленные заведения, учреждать сборы и повинности. Особо оговариваются права заключать с пограничными землями и народами договоры „по предметам распространения торговых оборотов“, обеспечения путей сообщения и т. д., испрашивая впрочем „на оные всемилоостивейшего одобрения“. Ряд пунктов определяет монополии и привилегии компании в отношении платежа пошлин и сборов, с уста-

новлением 50-летнего срока привилегий. Правительством дается в распоряжение компании „достаточное число Сибирских, Оренбургских и Уральских казаков“ и, по требованию, воинские команды, а также снаряженная и вооруженная за счет казны флотилия из 2-х пароходов и 3-х фрегатов с штатным числом мелких судов для крейсерства на Аральском море и по реке Сыр-Дарье, причем „содержание нижних чинов“ „производится за счет компании“. Оговаривается и право иметь „особую из поселенцев и туземцев милицию“, явно на манер сипаев в Индии. Несомненно, что, оставляя за собой титул главного правителя компании, Голубков мечтал о положении, подобном положению генерал-губернатора Индии.

Представляя в 1848 г. свое прошение и записки, Голубков считал момент особенно удобным для выполнения задуманного плана. Это были годы разногласий Англии и Франции по вопросу об испанских браках. Голубков и предлагал воспользоваться „недоумением двух соперничающих держав“ для утверждения русской торговли на Востоке. Много надежд возлагал он и на сочувствие задуманному предприятию со стороны германского таможенного союза, который готов „желать утверждения русского владычества в Азии, дабы иметь возможность пользоваться чрез Россию на востоке выгодным транзитом для своей производимости“.

Голубков рисовал в записке самые заманчивые картины успеха предприятия в недалеком будущем, настоящего „мирового переворота“; через посредство дома будет сбываться на Востоке не только „весь годовой труд целой России“, но и совершаться весь обмен „предметов восточной производимости“ на „производимость европейскую“, в индийские и китайские порты и даже в японский Нагасаки „не придет ни одного Европейского корабля“, Балханский порт сделается „всесветным торжищем“ и ключом, „который будет повелевать Хивую, Бухариями, Гератом, Кабулом, Пенджабом и Тибетами“, власть Англии на Востоке „после первого с Балханских укреплений выстрела погибнет непременно“, а имя Николая первого будет записано „на скрижалях истории“ рядом с именем Петра.

Грандиозные замыслы Голубкова при первом ознакомлении представляются очень фантастическими, а его многословные и сбивчивые записки носят черты настоящей графомании. Однако, некоторые детали проекта показывают, что он не был

только плодом кабинетных измышлений, что у Голубкова были единомышленники из купеческой среды, хорошо знакомые с условиями торговли на Востоке и давно и с успехом там действовавшие. Голубков оговаривает в записке право „учредителя дома“ „принять к себе в сотрудники и соправители дел дома со званием товарищей учредителей и голосами в правлении известных ему по способности людей, кого заблагорассудит“. Далее, несколько из этих лиц называются персонально с указанием тех специальных миссий, которые им поручаются при осуществлении предприятий дома. Очевидно, помещая их фамилии в поданной государю записке, Голубков имел на это их согласие и их одобрение своих проектов.

Первое из названных Голубковым лиц — московский купец из магометан Федор Осипович Измайллов, очевидно, тождественный с известным из других источников купцом Кедралием Юсуповичем Измайлловым, причисленным в 1832 г. из астраханского купечества к 3-й гильдии московского.¹ Федор Осипович Измайллов издавна вел дела с Персией, и Голубков предназначил ему поэтому миссию персидского агента дома. Второе из названных в записке лиц — поручик русской службы Салих Аитов, женатый на дочери купца Измайллова. Он принадлежал очевидно к той семье Аитовых, члены которой известны по военной службе в Оренбурге.² Но особенного внимания заслуживает последнее из упомянутых Голубковым лиц — ростовский купец 2-й гильдии Федор Родионович (он же Дмитриевич)

¹ Описание дел, хранящихся в архиве Московской купеч. управы, т. I, М., 1888, стр. 92.

² Так, Мухаммед Шари́ф Аитов долго служил в Оренбурге переводчиком пограничной комиссии, участвовал в походе Перовского в Хиву в 1839 г., попал в плен к хивинцам и вел переговоры с хивинским ханом о возвращении русских пленных; вернувшись в 1840 г. в Оренбург, он был произведен в поручики, в 1841 г. сопровождал в Хиву русского посла капитана генерального штаба Никифорова, играл видную роль в переговорах и предназначался правительством на должность постоянного русского агента при хивинском хане, учреждение которой впрочем не состоялось.

П. И. Цыпляев. Рукописи С. Н. Севастьянова. Тр. Оренб. Уч. арх. ком., т. XXIII, 1911, стр. 233 и сл. — П. Савельев. Известие о пребывании в Хиве г. Аитова. Географич. изв., 1849, стр. 240—241. — Залесов. Посольство капитана Никифорова в 1841 г., Военный сборник, 1851, № 11. — С. Жуковский, указ. соч. — М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906, т. I. Письмо из Оренбурга. Северная пчела, 1840, № 234.

Пичугин, которому Голубков давал роль хивинского агента дома. Его торговая деятельность началась с первых лет XIX в. и отличалась очень широким размахом. Он вел торговые дела в Ростове, Петербурге, Москве, на Нижегородской ярмарке, в Уральске и Гурьеве, в Калмыцкой Букеевской орде, в Киргизской степи и в Средней Азии через Оренбург, Троицк и Петропавловск. Вот несколько примеров его торговых оборотов: в 1816 г. он отправил из Оренбурга в Среднюю Азию товаров на 91 тыс. руб., купил среднеазиатских товаров на 28 тыс. руб. в 1817 г. — на 85 и 19 тыс. руб., в 1819 г. — на 104 и 46 тыс. руб. (ассигн.), в 1847 г. — через Петропавловск на 46 и 20 тыс. руб., в 1848 г. — на 29 и 36 тыс. руб., в 1849 г. на 38 и 35 тыс. руб., в 1850 г. — на 60 и 38 тыс. руб. (сер.). Отличаясь большой предприимчивостью, он был одним из первых русских купцов, отправивших в 1840 г. в Ташкент, Хиву и Бухару караваны товаров с русскими приказчиками, за что, как и оренбургский первогильдейский купец Деев, был „всемилоостивейше пожалован“ золотой медалью на анненской ленте с надписью „За полезное“. В 1844 г. к нему вошли в компанию купцы Иван Федорович Баранов и Павел Степанович Зубов, владельцы крупных бумаготкацких фабрик в г. Александрове Владимирской губ., „первые красильщики в России“, ситцы которых шли в Среднюю Азию. Этими тремя лицами (по отзыву председателя Моск. отделения Мануфактурного совета, „самыми благонадежными“) было составлено в Москве товарищество „для сбыта российских изделий внутрь Азии“, объединявшее таким образом представителей торгового и промышленного капитала. Компания существовала до 1852 г. и достигла значительных успехов. Ее конторы были открыты во всех главнейших торговых городах Бухарского и Хивинского ханства, в Коканде и в Ташкенте, на Аральском море заведено рыболовство, ежегодный оборот достиг 300 тыс. руб. (сер.? в 1846 г. компания послала из Оренбурга в Хиву и Бухару мануфактурных изделий на 150 тыс. руб. сер.). Баранов и Зубов завели на своих фабриках „особенное производство ситцев, во вкусе Азиятцев, употребляя лучшие материалы и самые прочные краски“, с таким расчетом, чтобы они не уступали „ни в качестве, ни в достоинстве английским“. Компания обратила особое внимание на вывоз из Средней Азии сырья, необходимого для русских мануфактурных фабрик, —

хлопка и красильных веществ марены и индиго. Так, в 1847 г. компания вывезла около 40 тыс. пудов хлопчатки и более 20 тыс. пудов марены. Не только увеличился вывоз марены, но, по побуждениям торговых агентов дома, увеличилось и производство ее туземцами. Мало того, чтобы улучшить сорта марены и обработку хлопка, компания арендовала в Хиве (при г. Горлене на Аму-Дарье и в уроч. Чеганах) значительные участки земли и выхлопотала от ташкентского владельца разрешение на наем земли близ Ташкента для обработки хлопка и учреждения склада русских мануфактурных изделий. Считая, что „по реке Сыр-Дарье удобность предстоит разведения марены и хлопчатой бумаги“, Пичугин полагал, что „эти два предмета в непродолжительном времени могут доставлять России ежегодно миллионы выгод“. Заметив, что вывозимое из Средней Азии индиго уступает качеством индийскому, он задумывал составить „на этот важнейший предмет“ „отдельную компанию“, выписать мастеров из Америки и отправить их в Афганистан, в места производства индиго, для руководства. В поисках кратчайшего пути в Среднюю Азию компания делала попытки посылать товары не через Оренбург, обычным караванным путем, а через Астрахань, Каспийское море и Усть-Урт.

Говоря о компании Пичугина, Зубова и Баранова, нельзя не упомянуть об одном из их русских приказчиков, ростовском мещанине Сергее Яковлевиче Ключарева, который считался индиатором большинства предприятий компании. Ориенталист В. В. Григорьев, служивший в Оренбурге и лично знавший Ключарева, отзывался о нем как „о такой умной, сметливой и бойкой голове, которая широким пониманием дела и предприимчивостью удивила бы самого образованного и ловкого иностранного негодянта...“

Деятельность Пичугина и его компании не осталась неизвестной правительству. Сам Пичугин, бывавший и в Оренбурге, и в Москве, и в Петербурге, был лично известен оренбургскому губернатору Перовскому, директору Азиатского департамента Сеньяину и председателю Московского отделения Мануфактурного совета барону Мейендорфу, которых, как и Департамент мануфактур и торговли министерства финансов, он буквально забрасывал своими донесениями, „мнениями“ и записками, то сообщая о ходе своих торговых дел и о сведениях, собранных в среднеазиатских ханствах его приказчиками, то предлагая

меры для расширения русской торговли на Востоке, настаивая особенно на необходимости учреждения в ханствах русских консульств и запрещения вывоза из России золотой и серебряной монеты. Последняя мера предлагалась Пичугиным для уничтожения конкуренции английских товаров, о распространении которых в Средней Азии он следил по донесениям своих агентов, присылавших ему из Средней Азии образцы английских коленкоров и ситцев. Интересно, что тот контакт действий коммерческого предприятия и военных действий правительства, который предполагает записка Голубкова, уже осуществлялся отчасти на деле в предприятиях Пичугина: в 1842 г. военный типограф Зеленин, переодетый приказчиком, сопровождал агента Пичугина Бочарова в его торговой поездке по городам Хивинского ханства, причем Бочаров, говоривший по хивински, собирал для Зеленина сведения, которые тот заносил на внутренние стороны крышек картонных коробок от товаров.

Подобно Голубкову, Пичугин выступал в печати с пропагандой среди русского купечества выгоды среднеазиатской торговли. В 1841, 1842 и 1848 гг. в „Коммерческой газете“, „Русском инвалиде“ и „Северной пчеле“ появились корреспонденции Пичугина из Оренбурга (за подписью Ф. П—н и Федор. Пичугин), обращенные к не названному по имени лицу. В них Пичугин сообщал подробные сведения о своих торговых предприятиях и планах в Средней Азии, об учреждении компании, об условиях среднеазиатской торговли и ее выгодах. Корреспонденцию 1848 г. он заключает следующим образом. Указав, что его приказчики встречают на среднеазиатских рынках много английских товаров, особенно ситцев, он пишет: „Итак, если торговля Англии проникает к нашим соседям через такое огромное пространство земли и моря, что же останавливает нас поближе к ним податься в соседи к Индии... Ровно ничего, кроме недостатка решительности и компанейского духа. Последнего у нас, к сожалению, мало. На вас это возлагаю и прошу убеждать ваших знакомых и приятелей к деятельности на пользу отечества. Соглашайте на устройство Азиатской компании, а я, при божьей помощи, готов во всем содействовать по мере моих сил и способов с опытностью, дознанною годами, и уверен, что почтенные мои товарищи (т. е. Баранов и Зубов) готовы соединиться с новыми членами и станут действовать в обширном размере, не отступая от насущных правил“. Последние

слова редакция „Северной пчелы“ сопровождала примечанием: „Дай боже, чтобы глас этот не был гласом вопиющего в пустыне“. Это письмо Пичугина напечатано в 1848 г., т. е. в том же году, когда были поданы записка и прошение Голубкова об учреждении компании. Не остается сомнения в том, что адресатом Пичугина был Голубков и что именно Пичугин был одним из корреспондентов Голубкова, сообщавших ему новости о Средней Азии. Так устанавливается непосредственная связь Голубкова и его проекта с русскими купеческими домами, деятельность которых на востоке отличалась особой активностью.¹

Прошение Голубкова не имело успеха и было признано не подлежащим удовлетворению и в министерстве финансов, и в министерстве иностранных дел. Причиной этого были не только некоторые фантастические стороны проекта Голубкова, вызывавшие иронические замечки читавших его записку министров, но и то, что проект этот был совершенно неприемлем в самодержавной России; он представлял слишком большую роль в захвате Средней Азии частной торговой компании, роль, не соответствовавшую положению русской буржуазии эпохи Николая I. Не был принят и проект учреждения „торгового дома для торговли с Хивой через Аральское море“, представленный в 1846 г. известным нам Ив. Фед. Барановым и александровским же фабрикантом Степаном Ив. Зубовым, более скромный по масштабу и поэтому более реальный, чем проект Голубкова, но напоминающий его рядом пунктов. Несмотря на

¹ Арх. револ. и внешн. политики в Москве, фонд б. Главн. арх. Мин. ин. дел, Азиатск. департ., II—3, 1840, № 4; 1844, № 9, 10; 1847, № 2; 1856, № 4. — И. Захарьин. Посольство в Хиву в 1842 г. Истогр. вестн., 1894, ноябрь. Описание Хивинского ханства, составленное в 1843 г. подп. ген. шт. Данилевским. Зап. Русск. Геогр. общ., 1851, т. V, стр. 131. — В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Кокандском ханстве. Вестн. Русск. Геогр. общ., 1856, ч. XVIII, стр. 133—152. — М. Михайлов. Наша средне-азиатская торговля. „Всемирн. труд“, 1867, февраль, стр. 236—238. — П. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией. СПб., 1856, стр. 213. 25-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград, СПб., 1856, стр. 177. Государственная торговля в разных ее видах за 1815—50 гг. — П. Крюков. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европ. России. СПб., 1853, ч. II, стр. 20—21. — П. Чихачев. Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир. Зап. Русск. Геогр. общ., 1849, т. III, стр. 27. Русский инвалид, 1841, №№ 202, 203. Внутренние известия. Северная пчела, 1842, № 184, 1848, № 77.

неудачу своей первой попытки, Голубков в 1854 г., т. е. за год до своей смерти, снова обратился в министерство финансов с проектом составления „особой компании для торговли с Японией“, с использованием пароходства по р. Амуру. Этот проект также был отклонен, как „преждевременный“, в виду отсутствия договора, который определял бы торговые сношения России с Японией.

Пример Голубкова и связанных с ним лиц из торгово-промышленных кругов показывает, что они далеко не были пассивны в решении среднеазиатского вопроса. Печать использовалась для пропаганды необходимости завладеть азиатскими рынками; ученые учреждения субсидировались для выполнения научных работ по изучению современного состояния стран востока или исторических корней русско-азиатской торговли; успехи Ост-Индской компании вызывали на подражание, и строились широкие планы овладения среднеазиатскими рынками при помощи сильной торговой компании, далеко опережавшие планы правительства; наконец, предпринимались попытки проникнуть в главные торговые пункты Средней Азии не только для непосредственных торговых связей, но и для заведения там своих плантаций. Можно сказать, что роль Средней Азии, как колонии, потребляющей промышленные изделия и дающей сырье для русских фабрик, не только была совершенно ясно осознана, но и начала осуществляться в предприятиях Пичугина и его компании.

Приведенные в статье сведения касаются только сороковых годов XIX в. и ограничены небольшим кругом лиц. Они далеко не исчерпывают роли русских купцов и промышленников в подготовке, завершеного во 2-й половине XIX в. завоевания Средней Азии. Обильный материал на эту тему, собранный в б. Главном архиве Министерства иностранных дел, ждет еще систематического обследования.